
А.С. Кручинин

«... ТЕПЕРЬ ЖЕ ОСТАВИТЬ ПЕТРОПАВЛОВСК...»:
К ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ РУССКИХ ВОЙСК
С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ОКТЯБРЕ – НОЯБРЕ 1922 г.

События девятистолетней давности, когда, фактически завершая Гражданскую войну, родную землю покидали войска Земской рати генерала М.К. Дитерихса, намного хуже описаны и изучены, чем аналогичная эвакуация Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма двумя годами ранее. Сравнительно небольшие масштабы приморской эвакуации по сравнению с крымской (речь должна идти о тысячах, в то время как для Юга России — более чем о сотне тысяч человек) и меньшая угроза, которую Приамурский земский край — последнее антибольшевицкое государственное образование на территории России — представлял для центральной советской власти, не делают, однако, дальневосточные события осени 1922 г. менее драматичными или менее достойными изучения.

В указе, завершавшем эпопею борьбы белого Приморья, Дитерихс уповал, что умирающий Земский край умрет только «как тело»: «В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской исторической нравственно-религиозной идеологии, он никогда не умрет в будущей истории возрождения великой святой Руси»¹. И все же, несмотря на эту искреннюю и горячую веру, основанную на монархических декларациях состоявшегося в августе 1922 г. во Владивостоке Земского собора, несмотря на действительно героическое сопротивление Земской рати в ее последних боях, несмотря на сам факт спасения от вероятной расправы столь многих военных и штатских лиц с их семьями, — история дальневосточной эвакуации, как и всякого события подобного рода, изобиловала и трагическими страницами, и даже была омрачена обвинениями в адрес русского командования на Камчатке — буквально «последнем клочке русской земли», эвакуированном той осенью.

Русские войска появились в Охотско-Камчатском крае в октябре 1921 г., заняв Охотск после незначительного сопротивления, а остальные пункты охотского побережья и Петропавловск-на-Камчатке — и вовсе без боя (Камчатский областной народно-революционный комитет 28 октября, после получения известий, что из Охотска на Камчатку идут корабли с десантом, незамедлительно принял решение «не вступая в вооруженную борьбу, отступить вглубь области»² и отвел своих сто-

¹ Указ правителя Приамурского земского края от 17 октября 1922 г. № 65 // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 486.

² [Постановление Камчатского облнарревкома от 28 октября 1921 г. № 66] // За власть Советов: (Из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области), 1920–1922 гг.: Док-ты и м-лы. Владивосток, 1967. С. 96 (документ № 62).

ронников из Петропавловска в сопки). Временное Приамурское правительство, возглавлявшее в этот период антибольшевицкое движение на Дальнем Востоке, назначило своим особоуполномоченным в крае владивостокского промышленника и домовладельца Х.П. Бирича с прикомандированием к нему, в не совсем понятном статусе «представителя правительства», статского советника Н.М. Соколова, а Северный экспедиционный отряд (в составе штаба отряда, двухсотенного дивизиона и интендантства³) возглавил есаул Валериан Иванович Бочкарев, к началу 1922 г. произведенный Приамурским правительством в полковника за операцию по занятию края. Разделив свои силы, Бочкарев со 2-й сотней остался на охотском побережье (Охотский и Гижигинский военные районы), а 1-ю отправил на Камчатку (Петропавловский военный район); Петропавловск, как краевой центр, стал и резиденцией Бирича, в то время как управление отряда Бочкарева обосновалось в Гижиге.

Вражда, разгоревшаяся между Биричем и командованием Экспедиционного отряда, а также многочисленные нарекания в адрес особоуполномоченного и обвинения его в злоупотреблениях своим положением привели 31 августа 1922 г. к распоряжениям Дитерихса, сменившего к тому времени Приамурское правительство, о смещении Бирича и назначении дознания о его «действиях по должности особоуполномоченного»⁴. Еще раньше, 22 июля, на Камчатку была направлена из Владивостока канонерская лодка «Магнит» с Отдельной морской десантной ротой для усиления гарнизона и капитаном 1-го ранга Борисом Павловичем Ильным для объединения в его руках командования войсками в Петропавловске, а при необходимости — и «приведения к повиновению Бочкарева», быстро завоевавшего репутацию чрезмерно самостоятельного (до своеволия) начальника⁵.

Наконец, двумя эшелонами — 8 сентября и 1 октября 1922 г. — в порт Аян на охотском побережье прибыла Сибирская добровольческая дружина генерала Анатолия Николаевича Пепеляева, прославившегося многочисленными победами в 1918–1919 гг.⁶: дружине предстояло продвинуться в пределы Якутской области и поддержать действовавшие там отряды «бочкаревцев» и Якутской народной добровольческой армии корнета Василия Алексеевича Коробейникова (члена Временного якутского областного народного управления, сформированного на съезде представителей уездов и партизанских отрядов).

Таковы были основные группировки русских войск в Охотско-Камчатском крае; однако эвакуировалась 2 ноября 1922 г. за границу лишь одна — занимавшая Петропавловск, а прочие оказались просто брошенными. В результате дружина Пепеляева, атакованная советским экспедиционным отрядом С.С. Вострещова, 17 июня 1923 г. была вынуждена капитулировать; еще трагичнее сложилась

³ Структура Северного экспедиционного отряда восстанавливается по более поздним данным (1922 — начало 1923 г.).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 92–93.

⁵ См.: *Старк Г.К.* Отчет о деятельности Сибирской флотилии в период 1921–1922 гг. // Морские записки, издаваемые Обществом офицеров Российского Императорского флота в Америке (Нью-Йорк). Т. 11. 1953. № 3. Ноябрь. С. 29; Т. 12. 1954. № 2. Июль. С. 26.

⁶ См.: *Вишневский Е.К.* Аргонавты белой мечты: Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины. Харбин, 1933. С. 23.

судьба отряда Бочкарева, после короткого боя истребленного 13 апреля 1923 г., по сообщению советского телеграфного агентства, поголовно⁷ (подробности, быть может, никогда не станут известными, и остается лишь надеяться, что в число убитых не вошли члены семей «отрядников» — женщины и дети, во имя спасения которых Бочкарев согласился сложить оружие). Обреченность войск, покинутых на охотском побережье, впоследствии побуждала к крайне резкой постановке вопроса. «Почему все же погиб отряд генерала Пепеляева, кто погубил отряд Бочкарева? — возмущенно писал прапорщик А.П. Еленевский, в эмиграции собиравший и систематизировавший сведения о Белом движении на востоке России. — «Отчет о Сибирской флотилии» адмирала Старка содержит ответ на этот вопрос. Предали оба отряда, погубили 900 бойцов-антикоммунистов временный губернатор Камчатки капитан 1-го ранга Ильин и присланный ему на смену генерал Иванов-Мумжиев»⁸.

Еленевский ссылается на слова из составленного в 1920-е гг., в эмиграции, адмиралом Георгием Карловичем Старком — бывшим командующим Сибирской флотилией и начальником Тылового района — «Отчета о деятельности Сибирской флотилии в период 1921–1922 гг.» (таково правильное название документа): «Сама эвакуация Камчатки произошла без всякого давления противника и без какого-либо распоряжения с моей стороны. Сведения о занятии Владивостока красными, отсутствие Правителя (Дитерихса. — А.К.) и моего приказа о сохранении Камчатки за нами были сочтены кап<итаном> 1 р<анга> Ильиным и прибывшим ему на смену ген<ералом> Ивановым-Мумжиевым достаточными основаниями для принятия самостоятельного решения об эвакуации»⁹. Брошенное (хотя и заочно и *post factum*) Ильину и Иванову обвинение в предательстве может выглядеть еще более тяжелым, если учесть, что в 1921–1922 гг. полуостров Камчатка нередко рассматривался как альтернатива эвакуации за границу, как плацдарм для дальнейшего развития антибольшевицкой русской государственности.

С.П. Руднев, возглавлявший созданное Приамурским правительством Особое по Охотско-Камчатскому краю совещание, по мере знакомства «с Камчатскими делами и создавшейся там обстановкой» постепенно склонился к убеждению, что в случае эвакуации из Приморья союзных японских войск («а это ведь должно же было когда-нибудь наступить») удержаться одними русскими силами не удастся, если только не перенести центр тяжести борьбы на сравнительно труднодоступную для противника Камчатку.

«Если принять во внимание, — вспоминал в эмиграции Руднев свои тогдашние размышления, — что в случае ухода японцев нас ждет все равно океан и изгнание, то к этому же самому в конце концов можно прийти, и поселившись на Камчатке, только значительно позднее.

⁷ См.: [Сообщение Дальроста от 20 апреля 1923 г. (опубликовано 22 апреля) о ликвидации отряда В.И. Бочкарева] // Дальревком: Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке, 1922–1926 гг.: Сб. док. [Хабаровск], 1957. С. 78 (документ № 46).

⁸ Еленевский А.П. 1921–1923 годы в Якутской области // Первопоходник: Летопись белой борьбы (Лос-Анджелес). 1976. № 33. Октябрь. С. 14.

⁹ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 14. 1956. № 1. Апрель. С. 54. В тексте — явная опечатка: «...и моей приказ...»; восстановлено по смыслу.

Для того чтобы красным потом завоевать у белых Камчатку, — нужен флот, и малый, а его надо в Тихий океан откуда-то привести, нужна и большая армия, а перекинуть ее через Охотское море не так-то будет просто!

Поселившись, не спеша и с толком, на Камчатке со всем флотом адм<ирала> Старка и оборудовав в Петропавловске небольшой завод для починки и ремонта морских судов, взяв для этого все необходимое из Владивостока, с Механического судостроительного завода, — при надлежащем и экономном управлении можно жить на те рыбные и пушные богатства, которые дает Камчатка и которые можно увеличить, если там будет работать тысяч 12–15 каппелевцев и прочего переселившегося туда люда. Близость Америки и Хакодатте даст возможность покупать необходимый провиант и привозить оттуда».

К сожалению, председатель Совещания, если верить его мемуарам, стал развивать эту идею в неожиданном направлении, сосредоточившись на агитации за приглашение кого-либо из лиц императорской фамилии на роль того вождя, «кто поведет туда и кто возглавит этот новоявленный Китеж», «с кем бы было “и жить, и умирать легко”»¹⁰, в то время как проект требовал прежде всего тщательных расчетов и заблаговременной подготовки.

Даже если предположить, что вопреки представлениям Руднева было бы возможным наступление советских войск по материку в обход Охотского моря (к примеру, полковник Бочкарев считал, что переброска части его отряда из Петропавловска в Гижигу «санним путем» — «путешествие не трудное»¹¹), — необходимость продвижения значительных контингентов действительно превращала бы войну в «войну снабжений» (в первую очередь требовались бы этапные пункты, продовольственные склады, помещения для постоя или оборудование для биваков). Однако и перебазирование из Приморья в Петропавловск поставило бы вопрос снабжения с предельной остротой.

В крае, где население городов и поселков насчитывало по несколько сот человек (и лишь в Петропавловске проживало около тысячи), перемещение «одним махом» двенадцати-пятнадцати тысяч прежде всего создало бы безумный жилищный кризис, тем более что помещения в столице области находились в бедственном состоянии: «Особенное внимание необходимо обратить на ремонт казенных зданий в Петропавловске, потому что, если необходимый ремонт не будет произведен до наступления холодов, часть зданий выйдет из строя вследствие негодности печей и проч., — писал статский советник Соколов в конце августа 1922 г., откуда следовало, что в течение почти года для этих целей ничего сделано не было. — Так как в районе Камчатки никаких строительных материалов нет, необходимо все строительные материалы <...> отправить из Владивостока»¹². Не лучше была ситуация и с продовольствием, поскольку Охотско-Камчатский край жил привозными продуктами первой необходимости, распределяемыми из казенных складов (начиная с муки и соли), — а значит, появление «переселившегося туда люда» в таких количествах обрекало последний на перспективу зимов-

¹⁰ Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. [Харбин, 1928]. С. 414–415.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

¹² Там же. Л. 15 об.

ки в землянках или юртах и впроголодь. Не производилось и крупномасштабных заготовок провианта, которым мог бы обеспечить этот регион (рыба, оленина). Эвакуация же судостроительного завода или хотя бы его части, необходимой для производства капитального ремонта изношенных кораблей Сибирской флотилии, и вовсе представляется делом практически невозможным, тем более что время на подготовку этого с конца 1921 по лето 1922 г. было безвозвратно упущено.

Через год или два генерал П.П. Петров вспоминал, как весной 1922 г. в Приморье «говорили о переброске остатков армии даже на Камчатку, но для этого нужны были большие средства»¹³, — и его «даже» само по себе звучит достаточно красноречиво. А генерал В.М. Молчанов в 1970 г. был намного более эмоционален: «...я был полностью против этого. Это была немыслимая затея. <...> Что бы мы делали? Сидели бы в одном городе Петропавловске? Чем бы мы питались? Нас кормила бы наша флотилия? Особенно если учесть, что красные собирались послать против нас флотилию с Балтийского моря (это утверждение относится к области слухов, но деморализующее воздействие подобные слухи, как видим, оказывали даже на старший командный состав. — А.К.). А японцы сказали, что американцы вмешаются и не позволят японцам держать там свой собственный гарнизон. Так что это было безнадежно»¹⁴. Тем не менее осенью 1922 г., в ситуации, когда становилось ясно, что сопротивление Земской рати в Приморье сломлено и предстоит эвакуация за границу, идея о переносе борьбы на Камчатку вновь стала темой обсуждений.

Адмирал Старк, как уже упоминалось, совмещавший с командованием флотилией должность начальника Тылового района, даже после известий о неудачных боях 8–14 октября под Спасском и Монастырищем продолжал считать, что Владивосток можно попробовать удержать. Имея в своем распоряжении около 5000 штыков и шашек и заручившись согласием командовавших ими генералов Д.А. Лебедева и Ф.Л. Глебова, адмирал собирался дать бой наступающим красным войскам на подступах к Владивостоку и остановить противника до окончания японской эвакуации (22 октября), после которой союзники передали бы русскому командованию богатые запасы вооружения, до тех пор находившиеся под их полным контролем. В то же время перспектива неудачи продолжала оставаться вполне реальной, и «как один из исходов в этом случае, — рассказывает Старк, — рисовалась возможность перейти с частью войск и флотилией в Петропавловск-на-Камчатке, где по времени года и вследствие нашего перевеса на море можно было рассчитывать продержаться еще довольно долго. Как раз в эти дни было закончено формирование 3-й роты морских стрелков, предназначенной на Камчатку. Правителем был назначен новый губернатор Камчатки (начальник Камчатской области. — А.К.), генерал-майор Иванов-Мумжиев, подчиненный мне как начальнику тыла. Он отбыл в Петропавловск со всем штабом управления и с запасами продовольствия на п<аро>х<оде> “Сишан”. 3-ю роту я задержал ввиду моего намерения сохранить Владивосток»¹⁵.

¹³ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 223.

¹⁴ Молчанов В.М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 183.

¹⁵ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 13. 1955. № 2/3. Август. С. 80. В тексте — «как одним из исходов...».

Однако все планы спутал Дитерихс, 16 октября освободивший Старка от должности начальника Тылового района, в отношении морских сил в частном разговоре с адмиралом заявивший, «что по выполнении эвакуации Владивостока флотилия должна самостоятельно избирать свои пути, т. к. борьба кончена», и намеревавшийся в ближайшее время уехать к основной группировке Земской рати, которая должна была переходить границу возле Посыета, предоставив Старку «завершить эвакуацию». «Я указал, — вспоминает адмирал, — на возможность перехода части флотилии после эвакуации на Камчатку в случае, если к тому будут благоприятные обстоятельства, на что генерал Дитерихс еще раз ответил мне, что я волен поступать с флотилией самостоятельно»¹⁶.

Подобная позиция правителя вряд ли способствовала не только планомерности эвакуации крупного портового города-крепости, но и простому поддержанию порядка во Владивостоке, где уже начиналась паника. Если группировки Лебедева и Глебова не должны были, вопреки мнению Старка, принимать бой, — значит, им следовало грузиться на суда, поскольку иначе отступить за границу они, по видимому, уже не успевали. Всего же, по оценке командующего флотилией, «эвакуации подлежало около 10 000 чел^овек», считая в том числе несколько сот раненых, для которых попечением правителя было зафрахтовано два японских парохода»¹⁷. В такой ситуации для перегруженных кораблей уже не было никакой возможности ни идти снимать остатки войск с Камчатки или охотского побережья, ни тем более заниматься крупномасштабными перебросками с целью укрепления новых плацдармов, хотя бывший глава Приамурского правительства С.Д. Меркулов, заблаговременно отбывший за границу, и продолжал сообщать из Токио, «что на Востоке еще не все потеряно и что он надеется, использовав свои связи в некоторых влиятельных японских кругах, обеспечить нам отход на Камчатку и помощь Японии новому Камчатскому государственному образованию»¹⁸. Все эти проекты были явно запоздалыми, и Охотско-Камчатский край оказывался предоставленным самому себе: ни правитель, ни флотилия помочь ему более не могли.

Нарисовав такую неутешительную картину, Старк сопровождает уже известное нам упоминание факта оставления Камчатки «без давления и без распоряжения» заключением, никак не упомянутым прапорщиком Еленевским в связи с его обвинениями в адрес камчатского командования: «Обстановка была так сложна и положение флотилии было настолько тяжелым, что я ни тогда не осудил, ни теперь (напоминаем, написано в 1920-е гг. — А.К.) не могу осудить начальствовавших на Камчатке лиц за проявленную ими поспешность. Трудно сказать, случилась ли бы какая-нибудь польза для нашего общего дела от того риска, с которым была сопряжена для людей, находившихся на Камчатке, задержка ими эвакуации»¹⁹. В то же время, несмотря на явно некорректное обращение Еленевского с цитатой, вряд

¹⁶ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 13. 1955. № 2/3. Август. С. 81.

¹⁷ Там же. № 4. Декабрь. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 14. № 1. С. 54.

ли следует упрекать эмигрантского исследователя в прямой подтасовке, поскольку личное мнение адмирала Старка — это все-таки всего лишь личное мнение, а для выводов о целесообразности действий генерала Петра Михайловича Иванова-Мумжиева и капитана 1-го ранга Ильина, особенно ввиду тяжести обвинений, следовало бы обратиться к более объективным источникам.

История Гражданской войны, к сожалению, изобилует примерами того, как из-за недостатка первоисточников оказывается затруднительным или даже невозможным восстановить подлинную картину событий во всех деталях, не говоря уже о внутренних мотивировках людей, в этих событиях участвовавших. В данном случае, однако, в нашем распоряжении имеется уникальный документ, позволяющий увидеть, каким образом принималось решение об эвакуации Камчатки, — подлинник «Протокола заседания Военного совета в г<ороде> Петропавловске-н<а>-К<амчатке> 30 октября 1922 года»²⁰ под председательством Иванова-Мумжиева. Военный совет был созван в весьма представительном составе (начальник гарнизона Петропавловска капитан 1-го ранга Ильин, командир единственного на Камчатке военного корабля — канонерской лодки «Магнит» — лейтенант Д.А. фон Дрейер и командиры всех наличных сухопутных частей: 1-й пластунской сотни — бывших «бочкаревцев» — подполковник В. Кузнецов, 2-й пластунской сотни — полковник Н. Лавров и Отдельной морской десантной роты — лейтенант А.И. Сеньковский) и подробно рассмотрел перспективы дальнейшего пребывания русских сухопутных и морских сил на Камчатке.

Прежде всего следует признать, что положение самого начальника области и председателя военного совета было чрезвычайно сложным. Получивший назначение довольно давно, он прибыл на Камчатку лишь 22 октября, таким образом, покинув Владивосток в дни, когда власть там уже шаталась (как мы помним, даже рота морских стрелков, которая должна была сопровождать Иванова-Мумжиева, была изъята из его подчинения и оставлена в распоряжении Старка). Ранее с Охотско-Камчатским краем генерал никак не был связан, хотя и служил в Приморье достаточно долго (с 1900 по 1914 г., тогда же окончил Восточный институт во Владивостоке, и во время Гражданской войны — с февраля 1918 по июнь 1919-го и вновь — в 1920–1922 гг.)²¹. Таким образом, в критический момент, требовавший быстрых и одновременно — хорошо продуманных и взвешенных решений, Иванов-Мумжиев оказался в незнакомом крае, где было достаточно своих особенностей и проблем, причем проблемы эти, похоже, не замедлили на него обрушиться. Иначе трудно интерпретировать не вполне ясное сообщение генерала на военном совете, «что им было вчера (т. е. 29 октября. — А.К.) получено заявление делегатов от населения Завойкинской волости, что местное население сел и деревень считает, что власть на Камчатке должна быть такая же, как и во Владивостоке». По-видимому, информация о падении белого Приморья (части РККА, уже практически не маскировавшиеся под «Народно-революционную армию Дальневосточной

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3756. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2. Дальнейшее цитирование протокола производится по этому экземпляру.

²¹ См.: *Кутцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны: Биограф. справ. М., 2011. С. 214–215.

республики», вступили во Владивосток 25 октября) начинала распространяться по территории полуострова и вызывать брожение умов.

Источником информации, предположительно, являлось японское консульство в Петропавловске, получавшее официальные сообщения из Японии и, естественно, обеспокоенное судьбою своих соотечественников, которые могли в тот момент находиться на Камчатке (жертвы погромов и массовых убийств, учиненных весной 1920 г. в Николаевске-на-Амуре красными партизанами, были еще хорошо памятны). Именно от японского консула Симады начальник области узнал не только о событиях в Приморье, но и о том, «что оружие и боевые припасы, оставшиеся от армии адмирала Колчак^а и хранившиеся во Владивостоке, японское военное командование решило передать накануне занятия города войсками ДВР — самообороне города Владивостока, — но последняя от приема оружия и припасов отказалась». На деле это означало, что военные склады Приморья, принадлежавшие в то время России лишь номинально и находившиеся под безраздельным контролем японцев, теперь были окончательно потеряны, и помощи в этом отношении ожидать более не приходилось. А между тем вопрос вооружения, и особенно огнеприпасов, в отсутствие источников снабжения для Камчатки стоял более чем остро.

Капитан 1-го ранга Ильин и лейтенант фон Дрейер доложили военному совету о плачевной ситуации с патронами и снарядами: морская рота, вооруженная трехлинейными винтовками (как, должно быть, и команда «Магнита») имела «всего 13 000 патрон^{ов}», а две пластунские сотни для своих американских винчестеров — «всего по 50 патронов на каждого бойца»; единственной артиллерией в крае были два орудия канонерской лодки, причем «было доложено, что в запасах на корабле состоит в наличии к 75-мм орудию 19 снарядов, из них 5 холостых (сигнальных? — А.К.), и к 47-мм орудию 39 снарядов — все бронебойные». Из последнего обстоятельства следовало, что пушки «Магнита» фактически не могли оказывать серьезной помощи сухопутным частям в случае активизации действий находившихся близ Петропавловска красных партизан или высадки красноармейского десанта, поскольку для артиллерийского огня против берега нужна была шрапнель, а не бронебойные снаряды.

Возможность вражеского десанта также рассматривалась на военном совете, причем «офицерами флота было доложено, что вооружение во Владивостоке одного из п^ар^ох^одов Добровольного флота займет не более одной недели, и в случае прихода такового к^ан^он^ер^ск^ая л^од^ка «Магнит», вступив с ним в бой, не может рассчитывать на успех, т. к. кан^он^ер^ск^ая л^од^ка «Магнит» не имеет брони и представляет ^со^бо^й обыкновенный тип коммерческого парохода» (корабль изначально был минным транспортом и служил в этом качестве при Владивостокской крепости с 1911 г.). Заметим, что опасения были совершенно оправданными: советский экспедиционный отряд (300 штыков, 2 орудия, 8 пулеметов) был направлен из Владивостока на Камчатку уже 7 декабря и прибыл в Петропавловск 21-го²². К тому же фон Дрейер сообщил, «что состояние корпуса корабля и механизмов, не имевших капитального ремонта в течение последних

²² См.: *Рейхберг Г.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). М., 1940. С. 207.

4–5 лет, таково, что корабль в местных условиях сможет проплыть не более как 2–3 месяца и что ввод корабля в док для исправления дейдвуда (деталь корабельного корпуса. — А.К.) необходим теперь же», — а значит, даже если зима и прошла бы спокойно, в следующую навигацию «Магнит» уже не смог бы эвакуировать гарнизон Петропавловска, окажись это необходимым.

Члены военного совета единодушно отвергли возможность перехода к «партизанской войне в случае, если Петропавловск будет занят десантом». Главную роль при таком повороте событий играло бы неравенство сил, поскольку красное командование, высвободив свои войска в Приморье, имело теперь возможность перебросить на Камчатку отряд любой численности, заведомо достаточной, чтобы раздавить три роты и команду одной канонерки. Кроме того, переход к партизанским действиям прежде всего означал бы борьбу за «жизненное пространство» с красными партизанами, которые обложили Петропавловск, — борьбу не на жизнь, а на смерть, в противоположность неустойчивому равновесию, установившемуся между правительственными и красными силами в течение года. С другой стороны, следует признать, что рознь, а затем и открытая вражда между Биричем и военным командованием уже в начале 1922 г. привели и к расколу их сторонников на «биричат» и «семеновцев» («бочкаревцев»: в 1920 г. Бочкарев был известен как приверженец атамана Г.М. Семенова), что затрудняло управление областью и борьбу с партизанами, а морально неустойчивому элементу предоставляло немало возможностей для самоуправства, озлоблявшего местное население. В то же время преобладающие среди жителей настроения представляются не столько активно-враждебными, сколько нейтральными, и об этом также говорилось на военном совете.

Подполковник Кузнецов, «как долее всех пробывший <...> на Камчатке», на вопрос о возможной поддержке со стороны местных жителей ответил, «что население края относится совершенно индифферентно к этому вопросу и перейдет на сторону более сильную»; лейтенант фон Дрейер подтвердил, что население восточного побережья полуострова Камчатки и далее к северу до бухты Провидения (Чукотка) «в большинстве совершенно индифферентно и не реагирует ни на какое национальное движение, частью же настроено определенно против, что Чукотский край в особенности живет совершенно отдельной жизнью на иждивении гл<авным> обр<азом> американских промышленников и коммерсантов, а вообще население заинтересовано в существовании власти постольку, поскольку власть может снабдить их продовольствием, оружием и пр<очим> необходимым».

Особое положение Крайнего Севера описывает и статский советник Соколов: «В районе Анадырско-Чукотском органов нашей власти по-прежнему еще нет, и этот район по-прежнему, несомненно, находится под экономическим и политическим влиянием различных американских предпринимателей и американских хищников»²³. Американское влияние не было единственным, — так, Александр Антонович Пурин, старожил (с 1910 г.) и большой патриот Камчатки, прикомандированный к генералу Иванову-Мумжиеву в качестве правителя канцелярии, еще в августе предупреждал: «Как обыватели Петропавловска, так и лица, прибы-

²³ ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об.

вавшие из разных мест области, чистосердечно заявляли мне, что им не надо ни белых, ни красных. Никто из них порядка не дал, а все только хулиганят и грабят. При данных условиях инородцы готовы просить вмешательства японцев, которые этого усиленно добиваются, затрачивая здесь миллионы иен на представительство и подарки, разъезжая по селениям и агитируя о необходимости создания автономии под протекторатом Японии»²⁴.

Соколов, не предполагая наличия у японцев столь далекоидущих планов, все же считал японское влияние в крае дестабилизирующим на общем фоне противостояния красных партизан и правительственного гарнизона Петропавловска: «В интересах Японии, несомненно, поддерживать такое неопределенное положение на Камчатке, в особенности в Петропавловском районе. <...> Пока будет такая, как теперь, неопределенность, двойственность власти в этом районе, у японцев снова будет основание и в будущем <1923> году не платить нам денег за конвенционные рыболовные участки...»²⁵ Экономические перспективы на 1923 г. беспокоили и членов военного совета, склонявшихся к мысли, что положение области окажется катастрофическим и без советского десанта.

«С авторитетом местной власти в вопросах охраны промыслов пушных, морских звериных и рыбных представители иностранных фирм и промышленники считаться в будущем году не будут, почему на приток денежных средств или валюты по промысловым налогам рассчитывать нельзя», — подводились неутешительные итоги в протоколе военного совета; а это вдобавок ко всему угрожало еще и продовольственным кризисом: «Имеемые запасы продовольствия обеспечивают наше пребывание здесь только до весны 1923 года, после какого времени запасов продовольствия не остается, а рассчитывать на пополнение запасов продовольствия, угля, материалов и снабжения для судов нельзя». При этом действительно не вызывает сомнений заключение, что «гарнизон, занимающий Петропавловск, при оторванности от главной организации Национального движения не может оказать последней никакой материальной помощи», и единогласное решение военного совета, утвержденное Ивановым-Мумжиевым и выделенное в протоколе: «Не ожидая дальнейшей информации с материка и из Японии, теперь же оставить Петропавловск и приложить все усилия к соединению с главными нашими силами».

Дальнейшие события не замедлили. «С утра 1 ноября с <его> г <ода> в городе неожиданно стало известно, что правительство и войска спешно эвакуируются из Петропавловска, — сообщала 5 ноября местная газета. — В городскую управу стали поступать от разных лиц запросы, правда ли это, но ответить на этот вопрос было затруднительно, так как управе самой не было ничего известно. В таком положении было приблизительно часов до 5 вечера, к какому времени городской голова был срочно вызван к генералу Иванову-Мумжиеву, и уже официально было сообщено, что город Петропавловск по причине падения города Владивостока и с ним власти правителя Дитерихса будет местным отрядом во

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 10. Первоначально было «...Камчатской автономии...», но исправлено в первоисточнике.

²⁵ Там же. Л. 11 об.-12.

главе с представителями правительства покинут и власть в городе передается Петропавловскому городскому самоуправлению»²⁶. В своем прощальном обращении генерал фактически возлагал на население области вину за вынужденную эвакуацию за границу «группы русских людей, много лет неустанно сражавшихся на разных фронтах»: «...не встретив в населении готовности к активной борьбе вместе с нами и не желая рисковать жизнью офицеров и солдат, ряды которых с каждым днем и так все больше и больше редуют, я решил покинуть Петропавловск и Камчатку...»²⁷

Объявление стали расклеивать по городу 2 ноября, когда погрузка на канонерку «Магнит» и пароход «Сишан» уже шла вовсю. Пурин, бывший в числе эвакуирующихся, рассказывает: «Приносят обращение к населению, в котором говорится, что власть передается городской думе Петропавловска, что мы искренне желаем населению перенести ниспосланное свыше испытание, что мы уходим, но что духовно мы всегда будем с Россией и что никакая сила не вырвет из сердец наших любовь к своей стране и к народу». Он же вспоминал:

«Уезжает не только пришлый элемент — “мурки”, как их называют инородцы, но и группа аборигенов Камчатки, оставляя свои хозяйства, семьи, родных и добровольно обрекая <себя> на полную неизвестность.

Их уговаривают остаться, но разве уговорами воздействуешь на человеческую совесть людей, идейно борющихся с разным анархическим сбродом, заполонившим в дни революции нашу милую Камчатку...»

В четыре часа пополудни после сигнального выстрела с «Магнита» корабли покинули Петропавловск:

«“Сишан” медленно выходит из ковша (бухты. — А.К.), имея на борту 400 человек, — вспоминает Пурин. — Мы идем под охраной “Магнита”, пересекаем Авачинскую бухту и выходим в беспредельную ширь Тихого океана...»

Видим, как над областным управлением спускается национальный флаг. Последний национальный флаг»²⁸.

Спустив русский трехцветный флаг, оказавшаяся у власти Петропавловская дума должна была озаботиться встречей победителей, — возможно, не без страха, и страха обоснованного: через несколько дней вышедший из сопок Областной народно-революционный комитет начнет свое воззвание угрожающе: «В Петропавловске с помощью городской думы нашли себе приют шайки Бирича — Полякова (генерал Н.А. Поляков был у Бочкарева начальником штаба. — А.К.)»²⁹. Срочно созданное 2 ноября «общее собрание граждан города Петропавловска и представителей окрестных селений» в своей резолюции приветствовало Облнарревком и уповало: «Мы искренне верим в то, что с вашим приходом навсегда прекратится братоубийственная война и рознь и над нашей далекой окраиной России воссия-

²⁶ [Сообщение газеты «Камчатский листок» от 5 ноября 1922 г. об эвакуации Петропавловска] // За власть Советов. С. 165 (документ № 105).

²⁷ Цит. по: Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России... С. 216.

²⁸ Пурин А.А. В день эвакуации Петропавловска // Камчатка: Юбилейный сборник в память 200-летия основания гор<ода> Петропавловска-на-Камчатке, 1740–1940. Шанхай, 1940. С. 38.

²⁹ Цит. по: Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед // За власть Советов на Камчатке (1917–1923 гг.): Сб. ст. Петропавловск-Камчатский, 1957. С. 77.

ет светлое и радужное солнце свободы и порядка»³⁰. Носители «радужного солнца», однако, не сразу решились вступить в покинутый русскими войсками город (и это само по себе характеризует силы и отвагу красных партизан): передовые части появились в Петропавловске 6-го, а основные с Облнарревкомом — лишь 10 ноября³¹. Корабли с беженцами в те дни шли в Хакодате или даже уже прибыли в этот японский порт, где был оставлен «Сишан» с его пассажирами; «Магнит» же направился из Хакодате в Гензан (Корея), на соединение с эвакуировавшей Владивосток Сибирской флотилией адмирала Старка. Для них начиналось изгнание...

Однако разговор о петропавловской эвакуации на этом не окончен, поскольку остается открытым вопрос о брошенных отрядах Бочкарева и Пепеляева. Удерживать Камчатку с незначительными запасами продовольствия и боеприпасов, без каких-либо источников пополнения и с перспективой высадки сильного советского десанта было невозможно, и с этой точки зрения решение военного совета является, безусловно, обоснованным, в чем и следует согласиться со Старком; однако существовала ли возможность спасти остатки русских войск с охотского побережья и как оценить степень вины Иванова-Мумжиева и Ильина в печальной судьбе «бочкаревцев» и «пепеляевцев»?

Прежде всего, попыткам снять с побережья оба отряда вряд ли препятствовала бы навигационная обстановка. В те годы Гижигинская губа замерзала «к концу ноября месяца», а Пенжинская губа, куда в случае необходимости не очень сложно было перебросить 2-ю сотню и управление отряда Бочкарева, базировавшиеся на Гижиге и Няяхане, не замерзала вовсе благодаря взламывавшим лед течениям (хотя те же течения и плавающий лед могли, в свою очередь, затруднять судоходство); Пепеляеву предстояло бы эвакуироваться через Охотск или Аян, где образование ледяного покрова на поверхности моря также начиналось не ранее ноября (а в заливе Аян — конца ноября), и таким образом, плавание должно было оказаться сложным, но не невозможным³².

Камнем преткновения могла стать численность эвакуируемых — как мы помним, в распоряжении камчатского командования было лишь два корабля. Однако в январе 1923 г. согласно точному именному списку в составе бочкаревского отряда насчитывалось всего 42 человека и 40 прикомандированных, из которых, вероятно, не все пожелали бы уезжать (среди прикомандированных — портные, сапожник, повар, столяр, моторист, в том числе вольнонаемные китайцы или корейцы, а также «гражданин Адолин» и «ссылно-каторжный Юзеев»)³³. Гораздо более многочисленной была дружина Пепеляева, в которой даже к моменту ее капитуляции в июне 1923 г., после понесенных в боях потерь, все еще насчитыв-

³⁰ [Обращение населения Петропавловска-на-Камчатке к Облнарревкому от 2 ноября 1922 г.] // Дальревком. С. 35 (документ № 18).

³¹ См.: [Сообщение газеты «Дальневосточный путь» от 14 ноября 1922 г. о вступлении партизанских отрядов в Петропавловск-на-Камчатке] // Там же. С. 36 (документ № 19).

³² См.: *Давыдов Б.В.* Люция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Каргинским включительно. Владивосток, 1923. С. 403, 489, 787, 823–824.

³³ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39772. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.–7 об.

валось 357 человек³⁴. Сопоставимая с общим числом эвакуированных из Петропавловска на «Сишане», эта цифра действительно делала невозможным снятие с берега всего отряда (хотя и в нем, наверное, нашлись бы желающие остаться), однако не следует полностью исключать переброску «пепеляевцев» партиями из Аяна хотя бы по кратчайшей линии на Сахалин: остров еще оставался целиком под контролем японских войск, покинувших его северную часть лишь в 1925 г. Разумеется, подобный план легче предложить, чем выполнить, и при попытках его реализации пришлось бы столкнуться с немалыми трудностями; но, если вспомнить, что речь шла о спасении жизней сражавшихся против большевиков солдат и офицеров, которые в противном случае обрекались на неизбежное поражение и оставались на расправу противнику, — трудно отделаться от мысли о необходимости испробовать хоть какой-нибудь способ помочь им.

Могли ли для любого из этих способов встретиться непреодолимые препятствия, не нашедшие отражения в известных нам источниках? — Конечно могли: осень 1922 г. могла оказаться холоднее обычного, а замерзание моря — начаться ранее; погода на Охотском море могла установиться особенно бурной и угрожающей для перегруженных кораблей; состояние самих кораблей или количество имеющегося угля могло не позволить совершать дополнительные переходы к Охотскому побережью или тем более челночные рейсы Аян — Сахалин (а угля и вовсе могло хватить лишь до Хакодате). Все эти причины, особенно последняя из перечисленных, выглядят вполне правдоподобными; но здесь выступает на сцену не объективный, а субъективный фактор, выразившийся в том, что на военном совете вопрос о помощи русским войскам на Охотском побережье вообще не поднимался.

В самом деле: к примеру, для перехода петропавловского гарнизона к партизанским действиям объективных условий было не больше, чем для захода кораблей в Гижигинскую губу с целью спасения «бочкаревцев»; однако Иванов-Мумжиев не посчитал лишним специально спросить членов военного совета, «возможна ли с нашей стороны партизанская война в случае, если Петропавловск будет занят десантом» (естественно, «присутствующие высказались отрицательно»). Нет сомнения, что и на предложение идти на выручку Бочкарева и Пепеляева нашлось бы немало аргументированных и объективно обоснованных возражений. Но такого предложения даже не прозвучало (хотя бы с эгоистической целью застраховать начальника области и его помощников от обвинения в предательстве), и это заставляет предположить, что оба отряда действительно были камчатским командованием уже списаны со счета.

Понимали ли в Петропавловске, как будут выглядеть их действия со стороны? — Вероятно, да, — вряд ли случайно Пурин (не приглашенный на военный совет, хотя он, даже будучи штатским, как местный старожил и ближайший помощник Иванова-Мумжиева по гражданским делам, мог бы оказаться очень полезным) почти два десятилетия спустя вспоминал о событиях 2 ноября: «Делаю последнюю попытку на петропавловской радиостанции войти в связь с генералом

³⁴ См.: *Фетисов А.П.* Последний залп: Конец одной генеральской авантюры. [Магадан], 1971. С. 79.

Пепеляевым в Аяне, с Н.М. Соколовым в Охотске и с полковником Бочкаревым в Наяхане, чтобы информировать их о случившемся в Приморье, выяснить их намерения и планы, но, увы, попытки безуспешны. Ни одна из этих радиостанций не отзывается на вызовы»³⁵. Однако весь рассказ выглядит лишь запоздалым и слабым самооправданием, если вспомнить о тогдашнем состоянии средств связи на Охотском побережье.

Селение Аян называлось «портом» лишь по традиции, оставшейся от времен Российско-американской компании; к 1916 г. же в нем «оседло проживали <...> только одно русское семейство, урядник с помощником, в ведении которого находились казенные грузы, да две туземных семьи»³⁶, — соответственно, ни о какой радиостанции там говорить не приходилось, и кого мог вызывать в Аяне Пурин — непонятно. Кроме того, даже если бы в распоряжении Пепеляева имелась полевая радиостанция (о чем ничего не известно), он все равно не смог бы рассказать о своих «намерениях и планах», поскольку мощности такого передатчика для разговора через все Охотское море явно не хватило бы.

В Охотске радиостанция была, однако еще в мае 1920 г. по распоряжению «военревштаба Охотского района в согласованности с командующим Николаевским районом и округом т<оварищем> Тряпицыным (организатором бойни в Николаевскена-Амуре. — А.К.)» она была сильно повреждена³⁷. В частности, красные партизаны разрушили 75-метровые железные мачты, и хотя впоследствии на замену были сооружены деревянные³⁸, станция могла работать только на прием³⁹, — впрочем, и в первоначальном-то, исправном своем состоянии она способна была переговариваться с Петропавловском не напрямую, а лишь через Наяхан⁴⁰.

Радиостанция близ селения Наяхан, откуда вел переговоры Бочкарев, поддерживалась в исправном состоянии и могла не только слушать, но и сама передавать радиogramмы в Охотск, Петропавловск, Анадырь. Тем не менее получение 2 ноября сообщения об эвакуации Петропавловска и запроса о «намерениях и планах» уже ничем не могло бы помочь остаткам Северного экспедиционного отряда и выглядело бы просто злою насмешкой. В самом деле, что оставалось делать Бочкареву? Двигаться на Охотск — Аян на соединение с Пепеляевым, по-прежнему без каких бы то ни было перспектив для дальнейших операций? Прорываться через контролируемые красными партизанами районы к Петропавловску, чтобы найти брошенный город и отсутствие каких бы то ни было средств эвакуации? Взывать из Наяхана по радио ко «всем, всем, всем» о помощи с наибольшей вероятностью, что призывы первым услышит советский корабль, идущий из Владивостока с десантом?! — Поистине, радиogramма Пурина, если она была принята Бочкаревым,

³⁵ Пурин А.А. В день эвакуации Петропавловска. С. 38.

³⁶ Давыдов Б.В. Лоция побережий РСФСР Охотского моря... С. 407.

³⁷ [Телеграмма Охотского военно-революционного штаба В.И. Ленину от 23 мая 1920 г.] // Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922 гг.): Док-ты и м-лы: В 2 ч. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 233 (документ № 97).

³⁸ См.: Фетисов А.П. Последний залп... С. 15. Приведенная А.П. Фетисовым ссылка на источник информации не соответствует действительности.

³⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

⁴⁰ См.: Давыдов Б.В. Лоция побережий РСФСР Охотского моря... С. 488.

говорила лишь об одном: об отчаянном, безысходном положении брошенных солдат и офицеров, и неудивительно, что ответа на нее не последовало: отвечать, в сущности, было нечего.

В чем же причина трагедии — ибо судьбу оставленных без помощи отрядов трудно назвать иначе чем трагической? Еленевский, похоже, считал это следствием простой нераспорядительности, в тех условиях становившейся уже преступной: «...эвакуация была проведена настолько скверно, что были брошены небольшие посты на побережье. Пост в устье реки Тигиль (подъесаул Савич и 10 чинов) спасся только благодаря тому, что смог погрузиться на американский пароход; другие посты погибли»⁴¹. Правда, сведения о судьбе «поста» на реке Тигиль, источник которых неизвестен, выглядят довольно сомнительными: непонятно, откуда и почему в такой сезон (уже не рыболовный и еще не охотничий) близ устья оказался пароход из Америки; почему он не оказал помощи другим подразделениям — хотя бы «постам» по побережью полуострова или отрядам в Гижиге и Няхане; наконец, что представлял собою сам «пост» подъесаула Савича и почему он там находился.

Селение Тигиль, близ которого в устье одноименной реки располагался временный летний лагерь, было крайним пунктом по западному берегу полуострова, соединенным со столицей области телеграфной линией Петропавловск — Большерецк (или Усть-Большерецк) — Тигиль. Однако благодаря стараниям красных партизан линия не действовала — что, кстати, усложняло оповещение о происходивших в Петропавловске событиях, — а район Большерецка контролировался партизанской группой, численность которой оценивалась в 100 человек, — немалая сила по масштабам камчатских формирований⁴². Пытаясь прорваться на помощь Петропавловску или просто желая взять под контроль район Тигиля, Бочкарев еще в апреле 1922 г. направил туда из Гижиги небольшой отряд, и первым в Тигиль действительно прибыл «подъесаул Савич с двумя ординарцами»⁴³. Однако Савичу пришлось по требованиям местных жителей вернуться обратно, а более сильная разведывательная группа в мае попала в засаду и была перебита⁴⁴. Возможно, речь здесь должна идти не столько о борьбе сознательных сторонников советской власти, сколько об известном нам желании населения «не надо ни белых, ни красных»; но в любом случае на таком фоне появление в Тигиле в ноябре «поста» того же Савича выглядит маловероятным.

Вернемся, однако, к мотивам петропавловского командования. Нам кажется правдоподобным, что для дружины Пепеляева роковую роль сыграла даже не дальность дополнительного перехода с Камчатки в Аян (переходы Петропавловск — Гижигинская губа — Хакодате продолжительнее), а сравнительно большая численность отряда, для которого, как молчаливо решили, должно быть, Иванов-Мумжиев с Ильиным, тоннажа решительно не хватало. Ситуация же с отрядом Бочкарева представляется более сложной и намного более неприглядной.

⁴¹ Еленевский А.П. 1921–1923 годы в Якутской области. С. 15.

⁴² См.: ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об., 14 об.

⁴³ [Сообщение волостного комитета из Тигиля в Облнарревком от 18 апреля 1922 г.] // За власть Советов. С. 141 (документ № 85).

⁴⁴ См.: Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед. С. 74.

Начальник Северного экспедиционного отряда пользовался весьма неоднозначной репутацией — и как «калмыковец» (соратник покойного уссурийского атамана генерала И.П. Калмыкова), и как «семеновец» (приверженец атамана Г.М. Семенова в 1920-м и летом 1921 г., в период наиболее острой розни «семеновской» и «каппелевской» группировок в Приморье), и, наконец, как человек, чья деятельность на охотском побережье, справедливо или несправедливо, вызывала многочисленные обвинения в самовольстве, своекорыстии и жестоком обращении с местным населением. Достаточно сказать, что даже такой скрупулезный и в целом объективный историк кампании 1921–1922 гг. в Приморье, как поручик Б.Б. Филимонов (ведущий в эмиграции автор, писавший на эту тему), повторил не только расхожие обвинения, но и лживую советскую версию, будто Бочкарев выжил и бежал за границу («...со своими друзьями и неправдой приобретенным богатством оказался в Шанхае, а Приамурское правительство, не получив от всего этого дела ни единых копеек, лишь “запачкало” свое имя»)⁴⁵.

А тогда, осенью 1922 г., подобная неприязнь могла повлечь за собой и тяжкие последствия: возглавлявший крохотный гарнизон («пост»?) в бухте Барона Корфа на восточном побережье Камчатки полковник Данин после разговора с офицерами заходившей в бухту канонерки сообщал для передачи Бочкареву, «что отношение к Отряду со стороны офицеров “Магнита” отрицательное, и, по словам Дрейера, во Владивостоке среди морских офицеров и некоторых высших чинов идет сильная агитация против полк<овника> Бочкарева и нашего Отряда». Более того, той же осенью, незадолго до общей эвакуации, «“Магнит” увез из бухты 600 пуд<ов> муки, 27 бочек по 35 пуд<ов> солонины и на 1500–2000 руб<лей> пушнины»⁴⁶, — и если о потере пушнины можно было сожалеть или не сожалеть, то столь существенное уменьшение продовольственных припасов накануне зимы становилось уже фактически ударом по «бочкаревцам». И отдавали себе участники военного совета в этом отчет или нет, — но полное отсутствие какой бы то ни было заботы о судьбе Бочкарева и его людей, вероятно, имело основанием ту самую «сильную агитацию», о которой Иванов-Мумжиев вряд ли мог не знать, собираясь из Владивостока на Камчатку.

«Перевернулась еще одна страница российской истории, страница трагическая для нас, уходящих, ибо горечь разлуки с родиной — одна из величайших трагедий человечества», — писал много лет спустя о петропавловской эвакуации Пурин⁴⁷. Но к этому следует добавить и слова, сказанные другим участником событий о тех, кого не оказалось среди эвакуированных и кому предстояло принять безнадежный бой на родной земле: «Северо-восток России оказался местом последней схватки между белыми и красными, и разыгравшиеся здесь эпизоды полны глубокого трагизма»⁴⁸.

⁴⁵ Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. [Роквилль (США)], 1971. С. 89.

⁴⁶ РГВА. Ф. 39772. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об.

⁴⁷ Пурин А.А. В день эвакуации Петропавловска. С. 38.

⁴⁸ Орлов М.Ф. На Камчатке в 1921 и 1922 годах // Камчатка: Юбилейный сборник... С. 150.